

Неизвестный рассказ Виктора Некрасова об Одессе

В киевском музее М.А. Булгакова 20 ноября 2004 года, накануне именин автора "Белой гвардии" и дня Михаила Архистратига, покровителя города, открылась выставка "Возвращение в Дом Турбиных", посвященная писателю-фронтовику В.П. Некрасову (1911-1987). Выставка приурочена к 30-летию со дня его отъезда в эмиграцию. В 1967 г. Некрасов открыл "городу и миру" этот дом, в котором в начале XX века проживала семья Булгаковых ("Новый мир", № 8).

Когда Некрасов уезжал, на таможне произошел нелепый, оскорбительный, но характерный для того времени эпизод, о котором писатель вспоминал в книге "Взгляд и нечто" (1977), написанной в эмиграции: "Все те же полковники не разрешили мне взять с собой медаль "За оборону Сталинграда". Нету, мол, соответствующего разрешения — оно, как назло, куда-то запропастилось. Медаль эта все-таки мне дорога, и только когда я, разозлившись, проявил находчивость и пришил к "Окопам Сталинграда", полковники развели руки".

Так родина прощалась с писателем-фронтовиком, участником Сталинградской битвы и лауреатом Сталинской премии, так писатель прощался с родным городом, которому он посвятил многие свои произведения. Действительно, нет пророка в своем отечестве.

На открытии выставки выступили деятели культуры, друзья и знакомые писателя — В.Л. Скуратовский, Л.С. Тянюк, В.Н. Кузнецов, Е.В. Завгородняя, А.Е. Парнис и другие. Организаторы выставки (ст. научный сотрудник Т. Рогозовская и художник Б. Губианури) поставили перед собой трудную задачу — нужно было показать все ипостаси Некрасова. До того как стать профессиональным литератором, он начинал как архитектор, несколько лет проработал в театре как артист и художник, а после войны работал журналистом и написал несколько сценариев для художественных и документальных фильмов. Организаторам выставки пришлось начинать практически с нуля, архивных материалов писателя в Киеве почти нет. В январе 1974 г. у Некрасова во время обыска, который длился почти двое суток, изъяли семь мешков документов, рукописей и книг. На мой запрос в СБУ о судьбе этих материалов ответили, что все уничтожено.

В одном из выступлений на вернисаже было сказано, что нашу жизнь

и историю диссидентского движения второй половины XX века будут изучать не только по историческим трудам и изданиям "Мемориала", но и по книгам Некрасова.

В своих книгах, написанных в эмиграции, — а это был уже стилистически "другой" Некрасов — он, можно сказать, продолжал свою главную тему — строительство мостов между Востоком и Западом. Кроме того, писатель неожиданным образом выступил также и в качестве футуролога. В книге "По обе стороны Стены" (1978) он с горечью писал, что связь с родным Киевом полностью прекратилась, оттуда "не доносится ни одного голоса". Но он верил, что наступят "новые времена", и у него есть две-три мечты — "мы народ романтиков", — которые должны стать реальностью. О первой мечте он рассказал словами берлинского экскурсовода, обращенными к туристам: "Перед вами остатки того, что называлось когда-то Стеной позора. Сейчас ее нет, но кусок ее, как некое напоминание и предостережение, решено сохранить, законсервировать". Далее группа туристов отправляется на не совсем обычную выставку "Сталин и Гитлер, искусство одной эпохи". О второй мечте идет речь в рассказе о пленуме ЦК КПСС, состоявшемся 22 июня 198? (так у В. Н. — А. П.) года. После доклада генерального секретаря партии постановили: "Учитывая сложившуюся ситуацию — выполнять больше нечего, все выполнено, — считать существование коммунистической партии нецелесообразным и нерентабельным, а потому распустить ее". Была еще третья мечта, но так как в связи с опубликованием информационного сообщения пленума ЦК о роспуске партии все упились, в том числе и автор книги, он никак не мог вспомнить о ней. Очевидно, об этой третьей мечте он говорил год назад в книге "Взгляд и нечто": "Вышел на Лубянку, или, как она в мое время называлась, на площадь Дзержинского. Посмотрел налево, все честь честью, "Детский мир", направо — Политехнический музей. Посмотрел прямо. А где же Железный Феликс? Нет его. Вместо него скверик, а в скверике столб, кол. А на колу мочало...".

И еще об одном пророчестве писал Некрасов в той же книге — о том, что Украина станет независимой, и что для поездки в Киев нужно будет получать визы...

В эмиграции Некрасов вернулся к журналистской деятельности (после войны, до получения Сталинской премии, он два года работал заведующим отделом в газете "Радянське мистецтво"). Он часто выступал по радио "Свобода" ("клеветал", по его определению), печатал статьи в русскоязычных газетах "Новое русское слово", "Русская мысль", "Новый американец", несколько лет был заместителем главного редактора журнала

"Континент". Писатель откликался на все интересные события в литературе и в политике, писал рецензии на вышедшие книги, рассказывал о путешествиях, печатал воспоминания о диссидентах и друзьях, оставшихся на родине и, разумеется, часто возвращался к главной теме — теме войны. В одном из интервью, данном за два года до смерти, он сказал: "Я пишу здесь, но живу я там". Его публицистические статьи о литературе, искусстве, политике, воспоминания о войне до сих пор не собраны.

Среди малоизвестных статей Некрасова есть несколько текстов, связанных с Одессой. Например, очерк "Одессит есть одессит", напечатанный в "Русской мысли" 12 июля 1984 г. За четыре месяца до смерти он написал статью о М. Жванецком "Давайте поговорим о смехе", которая, кажется, не публиковалась, она сохранилась в парижском архиве писателя. Некрасов участвовал в освобождении Одессы и в 1984 г. написал об этом мемуарный очерк, который здесь публикуется впервые. Машинописный текст этого очерка находится в архиве Некрасова в Центральном архиве литературы и искусства в Киеве.

Александр ПАРНИС

Виктор НЕКРАСОВ

Сорок лет со дня освобождения Одессы

10 апреля 1944 года войска 3-го Украинского фронта под командованием генерала армии Малиновского ночным штурмом при содействии партизан овладели крупным морским портом и железнодорожным узлом городом Одесса. Так звучало очередное сообщение Совинформбюро.

В ночном штурме я не участвовал и не очень уверен, что он был, но в какой-то степени в освобождении крупного морского порта и железнодорожного узла участие принимал.

В то солнечное весеннее утро я вступил на Дерибасовскую и Ришельевскую не в первый раз. Бывал в Одессе и раньше. Относился к ней, как истый киевлянин, естественно, с определенным предубеждением. Киев и Одесса спокон веков если и не враждовали, то соперничали. Каждый считал себя выше другого. "У нас море! — хвастались одесситы. — Лучшее в мире Черное море!" — "А у нас Днепр, — парировали киевляне, — воспетый еще Гоголем, с лучшим в мире речным пляжем. А Крещатик? Чего

стоит один Крещатик?" — "Ха-ха, — переглядывались одесситы, — Крещатик... А вы были когда-нибудь на Дерибасовской? Нет? Тогда молчите... А наш Оперный театр? Второй в мире после венского. А? А Бабель, Багрицкий, Катаев, Ильф и Петров — все они одесситы..." — "И Паустовский и Булгаков тоже одесситы? — иронизировали киевляне. — И вообще, мы мать городов русских..."

Споры эти продолжаются до сих пор, хотя Одесса давно уже потеряла свой вольный, бени-криковский, остап-бендеровский дух, а Киев, став столицей, во многом обогнал провинциальную Одессу.

Мне повезло, я еще застал нэповскую Одессу. Но, будучи мальчишкой, не мог, к сожалению, пользоваться истинными ее благами — в рестораны и всякие там рулетки ходу мне не было, приходилось ограничиваться киношками и пляжами.

К величайшему же нашему, освободителей, удивлению и, добавим, радости, апрельская сорок четвертого года Одесса встретила нас духом забытого прошлого — бесчисленным количеством "бодег", иными словами, кабаков. И скажем прямо, мы не так уж старательно их обходили.

Одесса оккупирована была не немцами, а румынами — только последние недели хозяйничали в ней немцы — и, как с присущим им юмором утверждали одесситы, морально было, конечно, тяжеловато, но жить было можно. Они ж не фашисты, они элементарные жулики и спекулянты, эти румыны. Воевать не любят и не умеют, а вот спереть, что плохо лежит, большие специалисты. Нет, не грабили, воровали. И, вообще, не злые. Детей любили, конфетки давали.

Особенно нас поразило, когда мы вошли в Одессу, это обилие молодых здоровых ребят. За прилавками крохотных магазинчиков, у стоек тех самых бодег-кабаков, да и просто без дела валандающих по улицам. Всех их на третий-четвертый день взяли в армию, и кое-кто из них впоследствии не так уж плохо воевал.

Военные историки утверждают, что так называемая Одесская операция 1944 года длилась с 26 марта по 14 апреля, иными словами, почти три недели. Нам же, освободителям, казалось, что каких-нибудь два-три дня. За почти три года войны мы отвыкли от городов — после сталинградских слепых блиндажей нам украинские хаты казались хоромами, а деревенские сало, молоко и сметана — лукулловским угощением, — здесь же, в Одессе, хитроглазые одесситы в своих бodegaх угощали нас настоящей копченой колбасой, голландским сыром и свежей, хрустящей арнауткой, вкус которой мы давно уже забыли. Был, конечно, и кофе. О других на-

питках, покрепче, не говорю уже. Благодаря им-то три недели и показались нам тремя днями.

Кстати, о кофе. К моменту, когда мы, наконец, обнаружили друг друга — после второй бодеги мой славный 88-й Гвардейский саперный батальон распозлся по всему городу, и даже исполнительный начштаба Щербаков не в силах был его собрать — так вот, когда потерявший меня верный мой Валега обнаружил меня спящим на какой-то пустой даче, он, малость поворчав, доложил все же:

— Слыхал я, товарищ капитан, что вы любитель кофе. Так вот, нашел я у немцев целый мешок этого самого кофе. Если хотите, могу сварить.

— Свари, вари, Валега, люблю.

И он пошел варить. Варил что-то очень долго.

— Ну, как у тебя там кофе? Долго еще?

Он растерянно развел руками.

— Варю, варю, товарищ капитан, а оно никак не разваривается.

Оказывается, милый мой оруженосец усиленно варил в своем котелке не молотый кофе, а в зернах...

— Кто ж его знал, — ворчал он зло, раздосадованный. — В первый раз ведь вижу. Иди догадайся...

Много смеха вызвал и сухой лимонад, в порошок. Солдаты обнаружили целый вагон, набитый какими-то бумажными пакетиками. Не раздумывая, высыпали содержимое, желтый порошок, в свои пасти. И порошок запенился. Только потом кто-то догадался, что его надо в воду и размешать.

— А что если яд? — орал на них все тот же Щербаков. — Порошки жрут, гады. Видишь в первый раз — спроси. Нет, сразу же в глотку...

Кроме вагона с лимонадом и кофе обнаружен был и шоколад, и какао, и мясные консервы, короче, когда всех удалось в конце концов собрать, у каждого солдата за спиной или в руках был сидор величиной с дом, и не расставались они с ними, потом уж пополняемыми в селах, до самого Днестра, куда мы пришли только в начале мая.

Ну, а Одесса, сама Одесса, какое она на нас произвела впечатление? Прекрасное! И не только из-за бодег. Город почти не разрушен, так, две-три случайные развалины, оперный театр — тот самый, второй после венского — на месте, Дерибасовская полна жизни, на Приморском, ныне Фельдмана, бульваре бабы торгуют настоящими длинными калеными семечками "конский зуб" и копченой скумбрией "качалкой" — теперь, через сорок лет, нигде ее не найдешь, — ну и море, ах, Черное море, хор-рошее море!

В первый же день я заставил весь батальон, ну не весь, половину, раздеться и ринуться в него. Холодное еще, но сколько радости, сколько веселья, сколько солдатского хохота вызвало оно, это Черное, действительно хорошее море.

Ну, а потом ринулись согреваться...

Вот так и освободили мы Одессу. Приятно вспомнить.

28.3.84 г.

Подготовка текста Александра ПАРНИСА

